— О, ничего страшного.

— По твоему лицу не скажешь, что это ничего...

Я поспешно спрятала письмо за спину.

— Я забыла, что мама просила меня вернуться сегодня пораньше. Мне придется поторопиться.

— О... Конечно.

К счастью, Тоби принял мою неуклюжую ложь без колебаний.

И мы снова начали идти. Мы снова не держались за руки.

— Мисс Мелисса.

— Да...

Я была удивлена больше, чем нужно. Тобиас также узнает, что я с самого начала вела себя подозрительно. Почему-то мое сердце забилось в агонии.

— Миссис Коллинз...

— Моей матери?

— Когда я смогу поприветствовать ее?

— О...

Прошло уже много времени с тех пор, как моя мать попросила меня представить его ей. Я просто избегаю этого.

Что касается причины, я боюсь, что если я представлю Тобиаса Миллера моей матери, мы признаемся, что в тот день мы были любовниками.

Я боюсь, что мы станем друг для друга самыми важными людьми. Я боюсь, что установятся некие обязательные отношения, и мне придется раскрыть все о себе - полностью обнажить.

Я боюсь, что, узнав меня, он окончательно покинет меня, и я боюсь, что больше некому будет дарить мне слепую ласку.

Я боюсь начинать отношения без уверенности в себе. О, не нужно этого бояться. Ничего такого не будет, я в этом уверена.

П.п: в смысле, она уверена, что это даже не перерастет в серьезные отношения.

Люди говорят. Чтобы полюбить кого-то, нужно сначала полюбить себя. Иначе это не настоящая любовь.

Не то чтобы я не любила себя, но на самом деле я люблю лишь небольшую часть себя. Я привязана к своей загадочной [например, поэтической или эзотерической] и тонкой чувствительности, но я не способна полюбить свою неполноценную внешность.

Внешнее включает в себя не только внешность, но и весь фон и условия, окружающие меня.

Даже внешняя личность.

Печально, что из-за этих внешних факторов у меня нет уверенности в себе. Ведь именно эта внешняя сфера определяет человека.

Это и есть жизнь. В конце концов, люди склонны судить о вашем внешнем облике.

Найдется ли когда-нибудь в этом мире хоть один человек, который найдет мою тонкую и нежную душу, спрятанную глубоко внутри моей тонкой оболочки, и глубоко полюбит ее?

Когда я была еще подростком, у меня были подобные мысли.

Но теперь я стала человеком, который хорошо знает, что это напрасная надежда. Даже если вы попытаетесь поверить в существование фей или русалок, вы уже не сможете этого сделать.

— Мисс Мелисса?

— В следующий раз, Тоби...

— Ах... Как и ожидалось, я поспешил...

Когда я увидела Тобиаса, который искренне извинялся, мое сердце сжалось. Это чувство, по крайней мере, удержало мое настроение от худшего.

— Нет, моя мама очень застенчивый человек.

Даже если я лгу, я еще не достигла дна...

* * *

— Сэр Аллан!

Когда Аллан вошел в гостиную особняка, старший сын Лонгхорна уже ждал его. Малькольм вскочил со своего места и вежливо произнес:

— Вы искали меня? Интересно, не слишком ли поздно я прибыл...

Это было не то, что должен говорить тот, кто ждет. В этой степени у него была низкая осанка, и его поза стоя тоже не была вертикальной, возможно, из-за слегка согнутой спины.

Аллан, едва заметно сморщив лоб, ответил Малькольму, который нервно смочил губы:

— Нет, давайте присядем.

Вскоре перед Алланом поставили чашку с горячим дымящимся чаем. Фарфоровая чашка с синей птицей и виноградным растением, окрашенным в мягкие тона. Малькольм зачарованно смотрел, как изящные пальцы в черных перчатках сжимают чашку.

— Это предложение о переговорах?...

— Именно так. Этот чай - посредничество в переговорах.

Аллан вздохнул, закрыв глаза, и поднес чашку к губам.

Империя Хва была великой державой на Востоке, которая только что начала торговать с

Королевством Сурн. Восточная культура, элегантная и организованная по-новому, невиданному ранее, произвела фурор, как только была представлена королевской семье.

Обмен происходил все еще в очень ограниченном количестве, и именно семья Леопольдов вела обменные дела от имени королевской семьи.

— Чай очень хорош, сэр Аллан. Вы ведете обмен с Хва...

— Хватит болтать.

В ответ на холодный ответ Малькольм пригладил свои темно-каштановые волосы, как будто смущаясь.

— О, ну что ж...

Семья Лонгхорн, занимающаяся текстильным бизнесом, долгое время занималась пошивом униформы. В последние годы они расширяли свой бизнес, начав знакомиться с большими столичными гардеробными, но в последнее время они изо всех сил старались сделать королевскую семью своим деловым партнером.

Для них признание Леопольда, получившего абсолютное доверие королевской семьи, было не более чем пропуском в королевский дворец.

Старший сын семьи Лонгхорн, Малькольм, уже не первый год прилагал все усилия, чтобы понравиться преемнику Леопольда. Но Аллан, который ни разу не взглянул на него ни на секунду, вдруг прямо обратился к нему таким образом.

— Мне нужно кое-что проверить сегодня, поэтому я пригласил тебя.

Малькольм подумал, что Аллан хочет поговорить о делах.

— Да, сэр Аллан. В чем дело?

— Вы недавно подарили наряд кое кому под именем Лонгхорна?

— Что?

Малькольм, которому задали неожиданный вопрос, ненадолго задумался.

— Если это наряд, подаренный...

Я послал платье одной даме, которой на днях оказал неуважение на балу в честь победы, в качестве извинения, но откуда он узнал?

Нет, я имею в виду, имело ли это значение в первую очередь?

http://tl.rulate.ru/book/66326/2461011